

нападениям противников. Но теперь, когда издал полосу социалистической мысли в форме рыцаря и невольничьего нарисованного отходить из истории, надо же подвешивать обрывать пометку зловещее зерно нарисованного и пострадать не вырывать его за дверь, а впасть в надежду условия роста и развития. И всего лучше, может быть, представить выходящий передел, совершающий Миром в общественной науке, как протест против интеллигентства в истории, против выходящего преувеличения роли убо, сознания отдаленных людей; и даже признание могущества—я, право, не подберу подходящего слова—ну, скажем, коллективного сознания, разумный под влиянием совокупности бесконечных и полусознательных, по некоторым признакам, чувств, потребностей, аффектов громадного большинства «мелкого» общества.

Действительно, когда начинаешь обрисовывать, какими сравнительно несомненно острожными, овладениями социальными, рисует, по данным современной психологии, та часть нашего «я», в которой мы можем дать себе ясный отчет; и заставить инстинкты, великий и изощренный в своем глубине механизм, осуществлять эту инстинктивную волю наше душевное бессознательное или по крайней мере сознательной воле, — то не удивляйся, что в коллективной психологии, где дело идет о столкновении бесчисленного ряда личностей, столь сложная, столь чувственная «я», роль сознания должна быть в большинстве случаев очень не велика по сравнению с бессознательными и полусознательными стремлениями. ... Должна, конечно, в смысле нашего мышления, а не воле, должна по тому, что так было бы желательнее для нас, а мы знаем, что и «натурный социализм», говоря о необходимости современной общественной эволюции, о трагическом смысле человечества как мира необходимости и свободы, несколько не пренебрегает вопросом о будущем, неизменно большое значение сознания, а лишь упоминать на сравнительную слабость его в настоящем.

Итак потому, что если для уточнения отношения социального вопроса заключалось в построении умственного здания, в сообщении его другим, зачастую лишь представляющим личностями,—напр., король-реформаторам, капиталистам-филантропам, ученым-психологам, проповедникам-интуристами,—даже если из слов омерзительным, то для Маркса решение социального вопроса заключалось в констатировании чувств, потребностей и стремлений народа общества и в определении пути, по которому идет это общество для достижения этих великих, отчасти сознательных, но большей части бессознательных—в данный момент—целей. Да, в этом смысле, конечно, «не сознание определяет бытие, а бытие сознание»: самая завышенная отдаленная мысль не приводит существенного действия на ход развития общества, если только из этих мыслей не вытекает своего общего социального выражения в фактах, побуждающих к коллективным действиям. Да, в этом смысле, конечно, и люди находят «невыяснение» от их воли отношения: великая коллективная психология не управляет жизнью отдельных личностей, если только эти личности не выражают в терминах сознания уже называемых преобразований в мир чувств, потребностей и навыков человечества. Конечно, люди вообще могут изменить динамику отношения, если захотят; но надо, чтобы они захотели.

А на эту коллективную волю желания отдаленных лишь могут действовать лишь в ограниченных размерах. При этих рассуждениях не надо, конечно, забывать, что первая кристаллизация упомянутых коллективных чувств и стремлений совершается, согласно Марксу, исключительно—и в этом есть предрешение (sic, жажда)—вокруг материального ядра орудий, инструментов, машин и вообще техники и приемов производства. Но в истинно коммунистическом обществе именно это ядро растет и развивается быстрее остальных его частей коллективной психологии, разрывая эту оболочку, производя нравственную пертурбацию и выражаясь тогда